

Андрей Львович Ливадный

Мост через бездну

Аннотация

...Перед Яной стоял логрианин. Две его змееподобных головы молча уставились на нее. Киберпространство, ставшее единственной реальностью для тех, кто умеет манипулировать им, свело двух обитателей Космоса вместе, и разделявшие их три миллиона лет ничего не значили в этот миг. Где-то далеко, на одной из Вертикалей таинственной Аномалии сейчас погибали тысячи людей. И эта встреча с ксеноморфом поможет Яне и Джону Митчеллу Сент-Иво спасти их. Они перекинут мост через Бездну и пройдут по нему, проторив дорогу на другую сторону Бесконечности...

Пролог

Киберпространство безгранично.

Раньше, в далекую эпоху, когда человечество еще не перешагнуло границ Солнечной системы, подобный постулат можно было оспорить: при всем многообразии компьютерная сеть планеты Земля все же имела определенные физические рамки, но уже тогда проявилось главное свойство виртуальной реальности, — отключившись от компьютерных мощностей, человек еще некоторое время продолжал в своих мыслях жить впечатлениями искусственно созданных Вселенных. Он уносил с собой частицу *нереального*, осознавая ее как новое впечатление.

Так, день за днем, год за годом, в ритме стремительного развития

телекоммуникационных и компьютерных технологий, формировалось новая среда, которую позже назовут единым информационным полем цивилизации.

Вселенная, где обитает не тело, но разум.

Впрочем, пути развития человечества определялись не только успехами в области кибернетики.

После открытия феномена гиперсферы, наступила эпоха Великого Исхода, когда сотни колониальных транспортов покидали Солнечную систему, унося людей к далеким, неведомым звездам. Это случилось в двадцать третьем веке, а спустя четыреста лет грянула Первая Галактическая война.

Вехи истории... Они неразрывно связаны с дальнейшим, зачастую взрывообразным развитием

кибернетических технологий. Космос предъявил к людям жесточайшие требования, в виде тысяч новых угроз, но самым мощным импульсом для развития высоких технологий послужила война. Полувековое противостояние Земного Альянса и Колоний заставило обе противоборствующие стороны стремительно развивать не только тяжелую промышленность, но и наукоемкие производства, создавая все новые, более изощренные, совершенные виды машин, разрабатывать и внедрять средства межзвездной связи, функционирующие на основе гиперпространственных передатчиков, получивших название Станций Гиперсферной Частоты (сокращенно «ГЧ»).

Война, как крайняя форма человеческих взаимоотношений

ужасна, но многолика. С одной стороны она сеет смерть, горе и ненависть, с другой является недюжинным двигателем прогресса. Конфликт Земли и Колоний дал человечеству не только межзвездную связь: в период с 2609 по 2659гг были разработаны первые безопасные импланты, соединяющие мозг человека с компьютером, а сами кибернетические системы в условиях непрекращающейся ни на миг «борьбы умов», были доведены до той степени самодостаточности, быстрогодействия и надежности, когда отдельно взятые машины или компьютерные комплексы могли годами исполнять свои функции в режиме жесткой автономии.

Именно война породила мыслесканер Джедиана Ланге, и печально знаменитые кристалломодули «Одиночек», которые содержали на

своих носителях не только боевые программы для управления сложнейшими серв-машинами, но и частицу человеческого разума: искусственный интеллект «Одиночек» посредством прямого нейросенсорного контакта перенимал уникальный опыт пилотов, и пользовался им, не только воспроизводя, но и совершенствуя несвойственные для машин тактические приемы...

К концу Первой Галактической баланс между людьми и машинами давно перешагнул за грань фола. Казалось, что кибернетические системы довершат начатый людьми процесс взаимного истребления и останутся единственными победителями...

Этого к счастью не произошло.

Падение Земли поставило точку в полувековом противостоянии, а спустя столетие на базе Союза Свободных

Колоний была создана первая Конфедерация Солнц, объединившая десятки человеческих миров.

Начался новый созидательный виток истории, в течение которого созданная во время войны технологическая база приобрела иную направленность. Станции Гиперсферной Частоты успешно связали между собой освоенные системы, удаленные на десятки, а иногда и на сотни световых лет друг от друга, создав единое информационное пространство, доступное для всего человечества.

Сеть Интерстар опутала звезды, дав людям возможность вновь почувствовать себя единой цивилизацией. Технологии имплантации к тому времени уже распространились повсеместно, без выхода в виртуальную среду ни один человек не мог более или менее

эффективно работать: по статистике на каждого гражданина Конфедерации приходилось более тысячи сложнейших кибернетических систем, прочно внедренных в быт и производство. Контакттировать с ними приходилось ежеминутно, поэтому стандартные импланты для прямого нейросенсорного обмена данными между человеческим мозгом и машинами вживлялись каждому новорожденному в первые дни жизни младенца.

Люди, зачастую не отдавая себе отчета в глобальности происходящих на их глазах процессов, шагнули на следующую ступень эволюционного развития.

Теперь разум индивида, не ограниченный межзвездными расстояниями, многократно усиленный за счет вычислительной мощности

контактирующих с ним машин, получил, наконец, возможность к реализации всех заложенных в него природой потенциалов... однако, процесс сближения человека и компьютера, взаимопроникновение биологической и кибернетической составляющей оказался растянут на столетия: все вершилось плавно, проходя на уровне обыденности, без острого осознания революционной глобальности перемен.

В этом таилась серьезная опасность.

Безусловно, большинство граждан Конфедерации Солнц, используя киберпространство для работы или отдыха, вели обычную повседневную жизнь, воспринимаемую как данность... однако потенциальные возможности человеко-машинных комплексов несли не только информационный комфорт, они открывали миллионы новых

возможностей, создавали идеальные условия для глубочайших научных исследований, которые теперь мог выполнить одиночка, – главное чтобы он осознавал, какую власть над материальным миром получил человек.

Казалось, этого не понимают даже в Совете Безопасности Миров: тяжкое наследие Галактической войны продолжало довлеть над рассудком власть предержащих. Такой однобокий подход невольно сконцентрировал всю систему запретов и сдерживаний в мире материальном, оставив необъятное и фактически анонимное киберпространство без надлежащего контроля.

В послевоенный период человечество начало бурное освоение новых планетных систем, и уже третья волна Экспансии выплеснулась за пределы обитаемого космоса:

появились сотни новых колоний, которые в первую очередь старались обеспечить себя станцией ГЧ, следовательно – включались в сеть Интерстар, без связи с которой уже не мыслилась ни эффективная гиперсферная навигация, ни успешное развитие молодых колоний.

Именно там, на Окраине освоенного космоса, сконцентрировался пестрый конгломерат из ученых, авантюристов, молодых представителей бизнеса, которые в большинстве являлись одиночками, далекими от размеренного планомерного быта. Они жаждали многого, и единое информационное поле давало им возможность к самореализации.

Так возник феномен Зороастры – планеты, где группа ученых-генетиков переподчинила своим целям биосферу дикого, враждебного мира, путем

генной инженерии создав из его
исконных обитателей послушных
биологических роботов; там же, на
Окраине в послевоенный период по
воле одного человека была
организована и начала свою
деятельность корпорация
«Галактические Киберсистемы»,
быстро наполнившая рынок
робототехники дешевой продукцией,
сомнительного этического толка.

Существовали еще сотни примеров,
когда люди, используя свои новые
возможности и единую
информационную инфраструктуру сети
Интерстар, совершали уникальные
открытия или воплощали проекты,
которые раньше были по силам разве
что целым научно-исследовательским
институтам наиболее развитых планет.

Рынок робототехники постоянно
пополнялся сотнями новых совершенно

непохожих друг на друга образчиков кибернетических систем, появились первые биороботы, созданные на основе клонов человека, и это, наконец, послужило тревожным сигналом: ни силовые структуры Конфедерации Солнц, ни юридические санкции Совета Безопасности уже не могли дать эффективных результатов, – процесс развития новых технологий вошел в неуправляемую фазу, когда выяснилось, что власть человека над законами природы давно перешагнула черту разумной дозволенности и насущной необходимости.

Некоторые технологии, напрямую связанные с кибернетикой, оказались во много раз опаснее, чем аннигиляционная установка «Свет» – самое разрушительное оружие минувшей Галактической войны.

Закон «О правах Разумных

Существ», обязательное лицензирование всех новых разработок, печально знаменитый разгром Зороастры, падение корпорации «Галактические Киберсистемы», ограничение на количество нейромодулей и имплантов, которыми может обладать индивид, – все явилось мерами оправданными, но запоздалыми. Они навели относительный порядок на рынке робототехники, установили допустимый уровень «киборгизации» человека, но само киберпространство осталось прежним – необъятным, доступным и анонимным – его не посмели тронуть, слишком важную роль играла сеть Интерстар в единении человеческих миров.

Люди по-прежнему продолжали осваивать новые солнечные системы, Экспансия вплотную подошла к Рукаву

Пустоты – пространству без звезд, где некогда обитали разумные расы древнего космоса, частично уничтоженные, а частично вытесненные в неизвестном направлении миграцией загадочных Предтеч, – представителей малоизученной космической формы простейших живых существ.

На некоторое время Галактическое сообщество отвлек от животрепещущих внутренних проблем поток таинственных открытий и загадочных артефактов, хлынувший на рынки из смертельно опасных пространств Рукава Пустоты.

Постепенно год от года перед взором потрясенного человечества раскрывались подробности трагедии трехмиллионнолетней давности, которая, как казалось, полностью уничтожила три древние расы, оставив

после себя полный опасностей и артефактов Рукав Пустоты.

Люди не предполагали что в глубинах Рукава скрыто от посторонних глаз шаровое скопление звезд, где поработанные Харамминами – исконными хозяевами скопления – до сих пор обитают две древние расы: Инсекты и Логриане, а за людьми вот уже более полувека наблюдают внимательные глаза голубокожих гуманоидов.

...

Сейчас все вышперечисленное уже принадлежит новейшей истории. После атаки Харамминов на центральный узел сети Интерстар, человечество, вмиг утратившее межзвездную связь, заглянуло в глаза информационному вакууму, который для сообщества сотен миров означал медленную деградацию.

Столкновение с Харамминами

получило название «Семидневной Войны» в результате которой было заново открыто шаровое скопление звезд, а центральный узел сети Интерстар восстановлен на базе древней сверхмашины расы Логриан – так называемого Логриса.

Теперь информационные потоки человеческой сети текли по периферии виртуальных вселенных, где обитали разумы древних существ; с шарового скопления сняли вуаль забвения, которую обеспечивали искривляющие метрику пространства устройства, а в новую, возрожденную Конфедерацию Солнц вошли две ксеноморфные расы.

Такова краткая предыстория современного киберпространства, которое в реальности объединяет две компьютерные сети – человеческий Интерстар и древний Логрис.

Мы по-прежнему безудержно

двигаемся вперед, не замечая того, что в границах освоенного космоса, словно копируя печально знаменитый Рукав Пустоты, после нас остаются самые настоящие артефакты, — обломки разгромленных корпоративных оплотов, кладбища кораблей, времен Первой Галактической, неудавшиеся колонии, и везде, где ступала нога человека, теплится, порой не заявляя о своем существовании, искусственно созданная жизнь.

Машины, способные ждать веками, тысячелетиями пока кто-либо вспомнит о них... или они сами пройдут собственный путь развития и заявят о себе...

Это похоже на движение по краю пропасти.

Мы уже не можем остановить Экспансию: человечество разрослось, обрело многообразие, видоизменяясь

под воздействием биосфер различных планет, и единственное, что осталось у нас общего, — это единое информационное поле, киберпространство, границ которого, после слияния с древним Логрисом, теперь уже не сможет очертить никто.

Мы, по сути, давно живем в двух параллельных вселенных, каждая из которых имеет свои законы.

С одной стороны это мир физический, который принято обозначать термином «реал», а с другой — фантомное пространство, виртуалка, в контакте с которой неизбежно и ежеминутно находятся разумы миллиардов людей.

Две вселенных две жизни, два образа мышления, две возможности реализовать себя — каждый выбирает свой путь, самостоятельно балансируя «на грани» или срываясь в пропасть...

...

И последнее, но главное, о чем стоит упомянуть: какие бы замысловатые формы не принимало развитие отдельных человеческих анклавов, мы по-прежнему остаемся людьми. Нами, в отличие от машин управляет не только рассудок, но и чувства. Мы разные, и каждый, либо отдаваясь бурному течению страстей и желаний, либо обуздывая их, создает свою неповторимую линию судьбы.

Эти тонкие, животрепещущие линии могут показаться ничтожными, ничего не значащими в общем потоке исторических событий, но порой, сплетаясь воедино, несколько человеческих судеб способны, если не изменить ход истории, то написать ее яркие страницы.

Древние как мир чувства по-прежнему движут нашими поступками,

но, опираясь на современный уровень знаний и технические возможности, эти порывы, простые и понятные в своей изначальной сути, могут вести к глобальным последствиям.

Любовь и ненависть, нежность и ярость, логика и безрассудство, надменность, жадность, стяжательство и альтруизм... – мы живем этим, но в наших руках уже не корявый сук, с заклиненным в навершии осколком кремния... и не мотыга, способная превратить бесплодный клочок земли в маленький садик.

Мы вооружены знаниями, последними достижения робототехники, нам доступен весь обитаемый космос и бесконечные вселенные Интерстара, и когда этой мощью начинают двигать страстные порывы отдельных людей, происходят глобальные события.

Какие?

Это зависит от нас самих.

Уничтожить цветущий мир, вернуть во вселенную ужас, или построить хрупкий мост через бездну пространства и времени – мы способны на все... потому что мы люди, самые дерзкие и непредсказуемые существа в доступной осмысленному взору части мироздания.

Часть 1. ГРАНЬ МИРОВ

Глава 1.

**Неизвестная точка пространства.
Военно-космическая база
Конфедерации Солнц...**

Четыре сферические секции станции, соединенные между собой жесткими

тоннелями стационарных переходов, висели во мраке пространства.

Далекий свет миллиардов звезд не мог ни осветить, ни согреть конструкцию, отданную во власть вечного холода.

В прямом смысле этого слова, потому как здесь получили свое второе воплощение технологии, не применявшиеся в таком масштабе со времен галактических войн.

Четыре сегмента тюремных блоков поделенные на множество одинаковых отсеков напоминали мрачную усыпальницу. В отсутствии дежурного освещения мрак отсеков разгоняли лишь немногочисленные индикационные огни на панелях управления криогенными камерами. Царство автоматики, удаленное на световые годы от ближайшей звездной системы, не нуждалось в

многочисленном обслуживающем персонале. Взвод охраны, сменные бригады врачей и компьютерных техников, в общей сложности насчитывали в своем составе шестьдесят человек.

Первая криогенная тюрьма исправительного типа проектировалась с учетом вероятных посягательств извне: она считалась неприступной. Расположенная в глубоком космосе, оснащенная самыми современными средствами защиты, станция действительно являлась крепостью, для эффективной атаки которой потребовался бы целый флот.

Эти утром (по меркам внутреннего суточного расписания) сюда доставили очередную партию заключенных, которые, во избежание утечки информации и различного рода эксцессов, спали в транспортных

криогенных контейнерах.

Корабль, доставивший партию преступников, приговоренных к высшей мере наказания, принял на борт два низкотемпературных саркофага с освобождаемыми, и взял курс на планету Кьюиг, где располагался реабилитационный центр.

Там бывшие преступники очнуться от сверхглубокого сна.

Много лет они спали, в ледяной тиши своих камер, а на их заторможенный разум воздействовали специальные переобучающие программы, которые час за часом, день за днем, меняли психологическую карту личности, вытесняя из памяти все, связанное с преступным прошлым, оставляя лишь воспоминания детства, да искусственно сформированную картину последующей жизни, которая, к примеру, едва не оборвалась в

автомобильной или воздушной катастрофе.

Секретный проект давал превосходные результаты.

Бывшие рецидивисты становились нормальными членами общества, — сомнительная «кара» за совершенные злодеяния, но у военных, проводящих исследования, имелись свои далеко идущие цели и собственный взгляд на этику. Пока что эксперимент находился в начальной стадии, — он еще не приобрел того масштаба, когда по статистическим результатам можно будет судить о его окончательном успехе либо провале, и двигаться дальше — от опытов по перевоспитанию закоренелых преступников, к иным, необходимым для армии и флота направлениям исследований. В криогенной тюрьме военные специалисты накапливали опыт, на

основе которого в ближайшем, либо далеком будущем будут созданы скоротечные, но эффективные программы обучения, психической реабилитации после ранений, или же специальной подготовки с применением технологий сверхглубокого сна.

...

Планета Аллор.

Вечер 30 марта 3827 года по галактическому календарю.

Парадный подъезд здания колониальной администрации сектора Окраины.

Генрих Владимирович Доргаев покидал свой офис в прекрасном расположении духа. День прошел удачно во всех отношениях, да и вечер обещал быть приятным: поздний брак имел свои неоспоримые прелести.

Три десятилетия он упорно двигался к заветной цели, и вот, похоже, вершина близка, карьера состоялась, он имел власть, деньги, — все, что обеспечивало положение в обществе и высокий социальный статус. Теперь он мог позволить себе находить маленькие удовольствия там, где раньше они не замечались. Например, отказаться от охраны (зачем она в самом сердце корпоративной Окраины, где сферы влияния строго поделены между чиновниками Колониальной Администрации, лоббирующими интересы какой-то определенной финансово-промышленной группы?) и самому сесть на место водителя шикарного монофункционального «Гесселя», сочетающего в себе функции автомобиля-внедорожника и флаера, не спеша вывести машину из подземного гаража и медленно ехать по

ярко освещенным транспортным артериям разросшегося города, предвкушая вечер, который он собирался провести с молодой женой в одном из элитарных клубов...

Сдавленно пискнув, сработала система опознания, – датчики машины уловили приближение хозяина, разблокировав двери.

Генрих Владимирович дождался, пока водительская дверь услужливо скользнет в сторону, открывая отделанный натуральной кожей салон.

Да, определенно жизнь в последнее время обрела новый вкус . – Подумал он, прикосновением пальца активируя бортовую систему навигации.

Он не услышал шороха на заднем сидении, лишь болезненно почувствовал, как холодный ствол импульсного пистолета больно вдавил кожу на затылке.

Дано позабытое чувство страха нахлынуло волной бесконтрольной дрожи, тело моментально покрылось липкой отвратительно испариной, когда за спиной раздался хриплый, смутно узнаваемый голос, прозвучавший в унисон вкрадчивому шелесту электромагнитного затвора:

– Ну что, Генрих, вот мы и встретились вновь.

Он буквально онемел, мышцы вдруг спонтанно расслабились, превращая грузноватое тело в подобие мешка, набитого плотью.

Не было сил скосить глаза на экран заднего обзора, – воспоминания одно за другим рванулись из темных глубин памяти, и он вдруг понял, что сейчас, в эту минуту, может рухнуть все, к чему он так упорно стремился на протяжении двух десятилетий.

– Не забыл, значит, мой голос.

Похвально.

– Что... Что ты хочешь?...

– Задать тебе пару риторических вопросов.

Генрих все же не удержался, скосил глаза на миниатюрный стереомонитор.

Фрайг... Это был ОН. Такой же молодой, беспощадный, уверенный в себе, как и два десятилетия назад.

В криогенной камере не стареют, – пришла тоскливая, похожая на смертный приговор мысль.

– Не можешь поверить своим глазам? Да, в каком-то смысле ты оказал мне услугу, сдав полиции. Теперь ты жирный, трясущийся и старый, а я по-прежнему молод. И, вопреки твоим ожиданиям, не развожу цветочки в поселении реабилитационного центра на Кьюиге. Двадцать лет... Это очень много Генрих, но в нашем деле нет срока давности, верно?

– Ты убьешь меня? – Сиплый вопрос вырвался вместе с выдохом, сам собой.

– Не знаю. – Жестко усмехнулось изображение в стереомониторе. – Руки, конечно, чешутся. Только я спрашиваю себя: какой толк пачкать хорошую машину твоими мозгами? Не слишком ли легко ты хочешь ускользнуть от возмездия?

– Анжи, времена беспредела прошли. – Хрипло выдавил Генрих, в наивной, нелепой попытке повлиять на призрака, материализовавшегося, как худший из ночных кошмаров, на заднем сидении его «Гесселя».

*Отказался от охраны идиот...
Поверил в собственную неприкосновенность?...* – Подумал он, с усилием выдавив из пересохшего горла несколько тщетных фраз:

– Ты на Аллоре, Анжи, а он изменился... Теперь тут не стреляют по

ночам. Давай смотреть на вещи трезво... – Доргаев говорил, глядя на свои побелевшие пальцы, судорожно вцепившиеся в подлокотники водительского кресла. – Может я и виноват перед тобой, но ты же понимаешь: в моих силах урегулировать все вопросы и недоразумения... я готов загладить ошибки прошлого...

– Маленькая поправка, Генрих. – Ствол больно надавил на затылок, – Речь идет не об ошибке. Ты сознательно сдал меня, а потом похлопотал, чтобы памятью твоего компаньона занялись военные. Ты вышел сухим из воды, отправив меня в криогенный гроб, на двадцатилетнее промывание мозгов. Могу тебя расстроить: я оказался исключением из правил. Что-то не сработало в их системе, и моя личность осталась со

мною.

Генрих едва сдержал рвущийся наружу стон.

Он слишком хорошо помнил их совместный «бизнес». Анжи был убийцей, отморозком, каких надо еще поискать на дикой Окраине; он же всегда стремился выбраться из криминальной среды, встать выше ее. Собственно события двадцатилетней давности были направлены именно на это — завязать с диким бизнесом, сохранив полученные от него деньги, и начать карьеру политика.

— Я дорого заплатил за твое кресло в Управлении Колониальной Администрации. — Словно прочитав его мысли, жестко произнес Фрост. — И ты вернешь мне этот долг с лихвой. Ну а что касается беспредела, — все в этом мире относительно, вот увидишь. И ты будешь принимать самое деятельное

участие в реинкарнации прошлого. — Все же двадцать лет информационного прессинга не прошли для разума Анжи бесследно, — он перемежал свою грубую речь такими словами, которых раньше попросту не знал, но это, к сожалению, не меняло сути его намерений.

— Если что-то пойдет не так, как я спланировал, клянусь: Аллор захлебнется в крови. А теперь давай, поехали.

— Куда? — Хрипло спросил Генрих.

— У меня назначена встреча на десять вечера. С группой молодых ребят, которым не по нутру тихий и благополучный Аллор, как и вся Окраина, которую вы поделили между собой. От кого ты получаешь деньги?

— Промышленная группа «Эхо». Мощнейшая корпорация Окраины.

— Теперь будешь работать не за

деньги, а за свою жизнь. На меня. К Фрайгу все промышленные группы, поехали.

* * *

Он все еще надеялся на чудо, когда «Гессель» съехал со скоростной трассы на дорогу, ведущую прочь от города к небольшим поселениям агротехнических станций.

Ствол пистолета больше не давил на затылок, но Генрих незримо ощущал его, хотя и начал немного успокаиваться: в конечном итоге, Анжи не убьет его, а постарается использовать в своих интересах. Может быть все обойдется, если, конечно не злить Фроста...

Генрих включил дальний свет. Они оба помнили ту пору, когда здесь под

порывами ветра волновалось янтарно-желтое море аллорских Лактиний — ядовитых для человека растений, образующих густые, непроходимые заросли. Теперь по обе стороны от дороги простирались возделанные поля, принадлежащие какой-то частной агротехнической фирме.

На приборной панели Гесселя моргнул и погас красный индикационный сигнал.

Ага... Вот ты и попался Анжи... — Подумал Доргаев, заметив, как автоматически включилась система спутникового контроля. Он покинул пределы города, и бортовой компьютер послал соответствующий сигнал на пульт централизованной охраны. Сейчас меня начнут вызывать на радиочастоте.— Генрих незаметно коснулся сенсора, отключив связь.

Лишь бы они правильно истолковали

мое молчание. – В эти минуты он готов был молиться, чтобы на его поиски послали людей из специального отдела, а не обыкновенных блюстителей порядка. Если они налетят с воем сирен, светом прожекторов и проблесковыми вспышками своих мигалок, Анжи точно застрелит его. Риск был огромен, но Генрих уже потерял ощущение реальности. Все стер затопивший сознание страх. Не разум управлял событиями, – наоборот, обстоятельства влекли рассудок в пучину, в точности, как это зачастую бывало два десятилетия назад. Да, именно так... время будто бы вернулось назад, вновь окатывая его волнами бесконтрольной дрожи. Вцепившись в манипуляторы ручного управления «Гесселя», Генрих в эти секунды вспомнил все: ночные поездки, осунувшееся лицо,

изматывающую бессонницу, трупы конкурентов...

...Высоко в небе, на миг затмив звезды, промелькнула беззвучная тень флайбота¹, двигавшегося в режиме антигравитационной тяги.

Генрих уловил этот спасительный знак, и чувство внезапного облегчения смешанное с ужасом, который не отпускал ни на секунду, воздействовало на него как оглушительный удар, – руки стали ватными, а мочевой пузырь едва не расстался со своим содержимым.

Анжи запретил ему включать автопилот, и резкая смена состояния водителя сразу же сказалась на поведении «Гесселя» – машина вдруг вильнула, потеряв управление и начала съезжать в обочину.

Благо скорость была небольшой и

¹ Флайбот – машина использующая антиграв для полета. Способна передвигаться на колесах.

бампер мощного внедорожника мягко ткнулся в расположенные вдоль насыпи отбойники, снабженные подушками из пенорезины. «Гессель» вздрогнул, вбирая удар, покачнулся, опасно кренясь, но не перевернулся, остановив свое скольжение у третьей по счету секции.

Все произошло в считанные мгновения, – Доргаев потерял контроль над машиной в тот миг, когда командир группы быстрого реагирования, просмотрев данные со сканеров, пришел к выводу, что высокопоставленный чиновник колониальной администрации взят в заложники. На заднем сидении «Гесселя» четко просматривался тепловой контур вооруженного человека.

– Огонь на поражение. – Приказал он стрелку.

Короткая очередь, хлестнувшая по машине, не достигла своей цели. В состав группы немедленного реагирования входили только профессиональные бойцы, но даже самый опытный снайпер не способен учесть внезапного изменения обстановки в момент, когда палец уже коснулся сенсорной гашетки огня... и бронебойные пули, предназначавшиеся сидящему сзади террористу, прошили лобовое стекло вильнувшего к обочине внедорожника...

– Дьяволы Элио!... – Выругался командир. – Снижаемся. Быстро!... – Приказал он пилоту.

Когда тень полицейского флайбота беззвучно пронеслась над расстрелянным «Гесселем», Анжи уже не было в салоне. Низко пригибаясь, он напрямик бежал через поле, к приземистым постройкам

расположенной неподалеку фермы.

Две пули пробили тело его бывшего компаньона, застряв в спинке сидения, снабженного встроенной бронепластиной. Прежде чем выскочить из машины он успел просунуть руку и достать из внутреннего кармана Генриха толстый бумажник. На Окраине, в отличие от центральных миров Конфедерации, все еще оставались в ходу наличные деньги, в чем он смог наглядно убедиться, добежав до первой постройки фермы.

Кроме удостоверения личности и кредитных карточек, в заляпанном кровью бумажнике обнаружилась изрядная сумма наличности в крупных, мерцающих купюрах банка Галактика-Центр.

Хватит на первое время.

Теперь после внезапной смерти

Генриха у него оставался один путь – как можно быстрее покинуть Аллор, и попытаться достичь системы Ганио, – «Колыбели Раздоров», как в просторечье называли третий спутник звезды Халиф. Только там он сможет чувствовать себя в относительной безопасности.

Путь к космопорту был заказан, – это Анжи понимал, но у него в рукаве оставался последний неиспользованный козырь. Он никогда не доверял своим компаньонам или подельникам, – можно называть как угодно, и двадцать лет назад, Генрих даже не подозревал, что у Анжи есть свое движимое имущество, разделенное на два компонента.

Одна часть в виде небольшого отделяемого модуля была скрыта в глубинах аллорской сельвы, вторая – транспортный корабль класса

«Элизабет-Сигма» — замаскирован среди останков разрушенного рудоперерабатывающего комплекса в двух световых секундах от планетных орбит.

В то время как полиция будет искать его в городе, Анжи собирался направиться в прямо противоположном направлении. Нужно только раздобыть защитный костюм, и выждать пару дней, чтобы улеглись страсти по Генриху.

В конце концов, жизнь загоняла его и в более сложные ситуации, так что Анжи особо не нервничал, пересчитывая обнаруженные в бумажнике банкноты.

Импульсный пистолет, деньги и твердая воля в достижении целей, что еще нужно человеку, чтобы выжить в условиях дикой Окраины, на которую за минувшие двадцать лет лег лишь

тонкий налет цивилизации?...

* * *

Проблесковые маячки полицейских флайботов разгоняли тьму, бросая вокруг прихотливые пятна голубого и красного, играли удлиняющимися тенями, то скрадывая, то резко выделяя силуэты людей суетившихся подле застывшего у придорожного отбойника «Гесселя».

– Паршиво сработали... – командир группы немедленного реагирования поискал глазами, куда бы выкинуть окурок, а потом просто отправил его щелчком пальцев за линию лазерного ограждения, обозначающую периметр места происшествия.

– Кто знал, что он потеряет управление. – В тон ему ответил

стрелок. – Теперь всех собак на нас повесят.

– Ты вот, что, Володя... – командир оглянулся по сторонам, отыскал взглядом только что прибывшего старшего офицера полиции и добавил: – Давай, поднимай машину, попробуй отыскать этого придурка, который заставил Долгаева выехать за городскую черту. Он убегал по зеленке, в сторону агротехнической фермы. Стреножишь его – может еще и отбрешемся. А я пока поговорю с офицерами, чтобы не дергались до времени с докладами и выводами.

– Добро, командир. – Лицо снайпера просветлело. – Пешком ему не уйти далеко. И от сканеров он не спрячется.

– Давай, действуй.

* * *

Вопреки мысленным оценкам покойного Генриха, Анжи являлся не худшим и не лучшим представителем того поколения, что родилось и выросло в колониях Окраины, в период полного безвластия, когда первая Конфедерация тихо скончалась, а новый союз обитаемых миров еще не был образован.

Три десятилетия назад, когда Анжи впервые встретился с Доргаевым, оба были молоды, бедны, и озлоблены на жизнь. Что предлагала им реальность едва освоенных планет? Тяжкий рабский труд от зари до зари? Пропахшую потом и машинным маслом кабину старого почвоукладчика? Благо если б они принадлежали к поколению колонистов, добровольно эмигрировавших на дикие планеты, —

тогда у них была бы цель, смысл, ради которого стоило терпеть все лишения и неудобства первых этапов освоения чуждой биосферы.

Дети и внуки колонистов не понимали своей вины: почему им уготована недолгая, отвратительная жизнь? Зачем они должны загубить свою молодость в борьбе с агрессивными проявлениями чуждой жизни? Кто заранее распорядился их судьбой, не оставив места в перенаселенных городах, прилепившихся к космопорту планеты?

Два века назад колониальная политика Центральных Миров инициировала третью волну Экспансии. Развитые планеты вкладывали немалые средства в молодые колонии, но довести дело преобразования планет до логического завершения помешал развал

Конфедерации. На Окраине вовсю расцвел дикий, не регламентированный какими-либо законами бизнес, где для достижения конечной цели казались приемлемыми любые средства. Колониальная Администрация сектора в ту пору являлась чисто номинальным учреждением, не имеющим реальной власти и рычагов воздействия на появляющиеся, словно грибы после дождя, коммерческие фирмы.

Выжить в таких условиях могли многие, а вот жить удавалось лишь единицам. Так что перспектив у Анжи с Генрихом было мало: либо рабский труд на одну из стремительно растущих корпораций, либо вербовка в небольшие частные армии, – основной аргумент в постоянно возникающих конфликтах интересов между отдельными промышленными группировками, делавшими огромные

деньги на эксплуатации естественных ресурсов едва освоенных миров, либо нищенское существование на улицах перенаселенных, прилепившихся к бетонному ограждению космопорта барачных кварталов, возведенных первыми поселенцами.

Такой была Окраина, в ту пору, когда два молодых человека, воспитанные по ее суровым законам, решили, что место под солнцем можно только отвоевать.

Они не желали умирать за других, их не устраивало прозябание в бараках, а школа выживания, пройденная на улицах нищих поселков, подсказывала единственный путь вверх: насилие. Если не ты, то тебя...

Нет смысла описывать их совместную деятельность, которая началась с мелкого рэкета и разбоев, постепенно приобретая криминальный размах. Такими примерами изобилует

не только история, но и наша жизнь. Важно понять, что рассудок Анжи двадцатилетия проведший в плену низкотемпературного сна, неадекватно воспринимал реальность, он жил в прошлом, отторгая те перемены, что произошли на планетах Окраины за время его заключения.

Все изменилось, причем радикально. Из множества конкурирующих в прошлом фирм, большинство кануло в лету: теперь лишь пять корпораций твердо контролировали сектор. Строго разделенные сферы интересов напоминали государственные границы, нарушение которых немедленно влекло за собой вооруженный конфликт между частными армиями.

Немалую роль в стабилизации положения дел на Окраине сыграло возрождение Конфедерации Солнц, а главное: ее военно-космического

флота, — это вдохнуло практический смысл в функции Колониальной Администрации, — сюда на смену наемным убийцам пришли политики, качественно повысился глобальный уровень межпланетных взаимоотношений, исчезли мелкие группировки, и вооруженные банды уличной шпаны уже не решали злободневные вопросы по праву звериной силы.

На окраинных мирах был наведен относительный порядок. По крайней мере теперь сохранялась видимость соблюдения юридических и моральных норм, — об этом позаботились вооруженные силы промышленных гигантов, чье руководство было прямо заинтересовано в том, чтобы флот Конфедерации держался на разумном удалении от находящегося под их контролем сектора. Жизнь постепенно

выравнивалась, появились рабочие места, стала развиваться инфраструктура городов, и новое поколение уже иначе смотрело на жизнь.

Всего этого не видел и не воспринимал Фрост.

Он при всем желании не смог бы принять тех перемен, о которых пытался намекнуть ему Генрих. Для этого нужно, как минимум, родиться заново, он же ощущал себя прежним – тридцатилетним, полным сил, энергии и холодной безжалостной ненависти ко всем и вся.

...Добравшись до первых построек аграрного комплекса, он без затруднений взломал ближайшую дверь, и проскользнул внутрь приземисто одноэтажного здания, которое оказалось автоматической фермой, предназначенной для

выращивания натурального мяса. Клонированные животные с измененной генной структурой были похожи на безобразные, бесформенные горы плоти. Они не стояли, а лежали в отдельных зарешеченных камерах, постоянно поглощая пищу, которая подавалась автоматическими устройствами.

Анжи оглядел ярко освещенное помещение и нашел его вполне удовлетворительным для реализации ближайших замыслов. Он не строил иллюзий, понимая, что его будут искать, и обязательно найдут, – пешком далеко не уйдешь, да и скрыться от сканеров среди сельхозугодий задача практически невыполнимая. Иное дело тут, в животноводческом комплексе, где тепло мясных туш надежно гарантировало его от обнаружения термальной оптикой, да и датчики

сердцебиения были бесполезны в этом наполненном гипертрофированной жизнью помещении. Идеальное место чтобы обмануть погоню, ну а если они уже взяли его след, то... – Анжи усмехнулся, без брезгливости перелезая через решетчатый барьер – если его отследили до этого здания, то он готов, пусть заходят, а там посмотрим, кто окажется проигравшим.

Жесткие, мысли не несли возбуждения, они были холодны, словно двадцать лет заключения окончательно заморозили его душу, оставив циничный разум без контроля эмоций.

Либо ты либо тебя... Иного правила выживания Анжи не знал, да и не желал знать.

* * *

Владимир Успенский отчетливо видел след преступника, который вел через поля к агротехнической ферме.

Следы отпечатались на земле, они виднелись среди молодых посевов, сканеры флайбота ясно отслеживали каждый шаг неизвестного злоумышленника, который действовал с бесхитростной прямолинейностью: пробежав через поля, он укрылся в ближайшем здании.

Наверное, сильно напуган . – Решил Владимир, постепенно снижаясь, с таким расчетом, чтобы системы слежения указали ему находится преступник в здании или уже покинул его.

К его разочарованию результат сканирования не смог дать однозначного ответа на поставленный вопрос. В здании как нарочно,

располагалась животноводческая ферма, и фоновое излучение сотен выращиваемых на мясо животных действовало на термальную оптику как сильная засветка, датчики движения и сердцебиения зашкаливали, однако характерный след взлома на дверях комплекса явно говорил в пользу того, что преступник затаился внутри.

Успенский не торопился. Действуя основательно, чтобы избежать повторной оплошности, он по очереди исследовал все выходы из здания. Убедившись, что они надежно заперты, а в окрестностях фермы нет свежих следов, он запустил в огромное помещение два автономных разведывательных зонда, снабженных, помимо иных средств обнаружения, миниатюрными видеокамерами.

Пять минут спустя, когда зонды дважды облетели помещение, он понял,

что придется заходить туда самому, — тупые автоматы терялись в хаосе исходящих отовсюду сигналов, а их видеокамеры не смогли обнаружить затаившегося человека среди бесформенных, постоянно жующих туш.

Посадив флайбот подле взломанных дверей, Владимир вошел в ярко освещенный цех.

Он присел, осматриваясь по сторонам. Успенский не волновался, — его тело надежно защищала пластичная броня, сплетенная из прочных металлокевларовых нитей, на миниатюрном дисплее проекционного забрала, соединенного с боевым процессором импульсной винтовки, застыла зеленоватая паутина координатно-прицельной сетки, дыхательные фильтры боевого шлема гарантировали легкие от попадания

химикатов, зачастую применяющихся в производстве мясной продукции.

Неужели он не сможет отыскать испуганного беглеца, забившегося в какой-то из темных углов этого помещения? Главное – взять его живым, чтобы он смог дать нужные показания, иначе... – Владимир не хотел даже думать о последствиях, которые повлечет за собой обвинение в непредумышленном убийстве чиновника Колониальной Администрации.

Ну, где же ты?

...

Анжи находился рядом с Успенским. Он лежал, плотно прижавшись к изгаженному полу, под смердящей тушей растущего мяса, и сбоку смотрел на бойца группы быстрого реагирования.

Он даже мог различить выражение

его лица сквозь полупрозрачное
забрало компьютеризированного
шлема.

Спокойное, уверенное выражение.

Анжи часто видел его на лицах иных,
более крутых парней, уповающих на
разные, но всегда ошибочные,
завышенные оценки собственной
неуязвимости.

Этот, похоже, свято верил в
непробиваемость плотно облегающей
тело брони и совершенство
кибернетических систем своей
экипировки.

Опасное заблуждение.

Анжи медленно, сантиметр за
сантиметром, выпростал руку с
импульсным пистолетом,
изготовленным четверть века назад по
его личному заказу. Имея в основе
систему знаменитой «Гюрзы», оружие
было усилено дополнительными

электромагнитными катушками ускорителя, имело более длинный ствол, и снаряжалось тандемными кумулятивно-разрывными зарядами, исключаящими ранения.

Только летальный исход. Анжи ненавидел, когда после его работы оставались свидетели.

...

Спустя пять минут из цеха агротехнической фирмы вышел человек в боевой броне.

Только это уже был не Успенский.

Теперь в распоряжении Анжи оказалась отличная защита от смертоносного воздействия сельвы и флайбот, который быстро доставит его в нужную точку неосвоенных людьми территорий.

Он всегда старался опережать своих противников, как минимум на один шаг. Пока полиция разберется, что к

чему, он успеет отыскать спрятанный в глубинах сельвы посадочный модуль и совершить все необходимые предстартовые процедуры. С каждой минутой ему все меньше и меньше хотелось застрять тут, на Аллоре, где действительно произошли не очень-то приятные для него перемены.